

XV 63
11

17-66-707

I

1-12(12)

МУРЗНАКА

№ 12

Журнал ЦК ВЛКСМ и ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ
ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

ДЕКАБРЬ
1965

ГЛУХАРИ

Ю. КОВАЛЬ

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

Мне не нужен
Берег южный,
Волны радужных морей.
Я одно хочу увидеть:
Краснобровых
глухарей!

Там, на юге,
Жарком юге,
Там, где дует суховей,
Глухарей вы не найдёте,
Не найдёте глухарей.

Сколько хочешь
крокодилов
И слонов-богатырей.
Только нету чернокрылых,
Краснобровых
глухарей!

А на севере далёком
От зари и до зари
Все берёзы брызжут соком
И токут глухари!

Ох, ребята!
Что ж вы ждёте!
Собирайтесь поскорей.
Я найду,
И вы найдёте
Краснобровых
глухарей!

17-66-707

В. КОРЖИКОВ
Рис. Н. УСТИНОВА

ДВА ОХОТНИКА

Среди тайги в пограничном селе живут два друга, два старых охотника — дед Егор и дед Иван. Дед Иван — великан. И зверя ему подавай побольше: медведя, кабана, рысь. Дед Егор поменьше и зверя любит невеликого: лису, белку, соболя.

Дом у деда Ивана большой. Дым из трубы как вывалит, на другом конце села видно. У Егора избёнка маленькая. И дымок над ней, как беличий хвостик, подымается. Оба охотники известные. Соберутся почаевать — только и разговоров, кто сколько зверя добыл, у кого какая удача. Пришёл как-то дед Егор к деду Ивану.

Сели чай пить. Дед Иван говорит:

— Слышал? Сегодня пограничники одного чужого взяли. Хитёр был, простыней среди снега накрывался, а взяли. Молодцы!

— Молодцы, — кивает дед Егор, а сам чай из блюдца отхлёбывает.

Потом вдруг сощурил глаза хитро, бородинку выпятил, говорит:

— Молодцы! А вот только если бы я пошёл через границу, меня нипочём не взяли бы.

— Это почему же? — вскинул глаза дед Иван.

— А потому. Пограничник хитёр, а я хитрее. Он ловок, а я ловчее. Я маленький, нырну, как фазан, в снег. Ищи свищи.

— Ну да!

— Хошь, докажу? — дед Егор даже блюдце поставил. Губы ладонью вытер. — Хоть завтра. До границы доберусь и обратно. Никто не найдёт.

— Ладно, — говорит дед Иван, — доказывай.

Проснулся дед Егор спозаранку. Выглянул в заиндевелое окно. Ещё над тайгой месяц прогуливается, звёзды помигивают. В селе ни огонька. Надел дед тулуп, белый

халат, ружьишко взял и вышел. Морозно, хрустко. Идёт дед, в бороду сопит. Инеем до ворота обрастает. А по привычке на следы поглядывает. Вот зайчишка поскакал, печать приложил. Вот глубокие отметины — коза копытца поставила. А тут только что лиса бежала, хвостом мела. У деда дух захватило. Руки к ружью потянулись. Осмотрелся и видит: впереди и впрямь чернобурка бежит. Снег нюхает. Пошёл дед на лису, а она вперёд побежала. Он за ней, а лиса в сторону.

Тут что-то скрипнуло, пронеслось мимо. Огляделся дед — никого. Подтянулся и пошёл своей дорогой: «Я своё всё-таки докажу!»

Стало светать. Побледнел месяц. Вот уже пограничная сопка совсем рядом. Добрался дед до кустарника.

«Ну, вот так-то! — думает. — Обвёл вас старый дед, да ещё на обратном пути лису подстрелит!»

Подошёл он к пограничной полосе. Только занёс ногу, вдруг из-за кустарника кто-то громадный как шагнёт, как крикнет:

— Руки вверх!

Дед Егор так и присел. Задрал бородёнку вверх, смотрит, прямо на него дед Иван ружьё наставил.

— Ну что, — говорит, — никто тебя не возьмёт? Марш на заставу.

Оправился от испуга дед Егор, говорит:

— Так я же про пограничников говорил.

А дед Иван головой закачал.

— А мы с тобой, что ли, не пограничники? Ведь на самой границе живём!

— И то верно! — согласился Егор. А про себя думает: «А всё-таки настоящих-то пограничников я обвёл. Никто меня не видел».

Прошли деды немного. Добрались до стога, решили отдохнуть. Сели, притихли.

Вдруг за спиной лыжи скрипнули и голоса слышались. Один говорит:

— А это что, не нарушители?

Другой засмеялся, отвечает:

— Нет. Это дед Егор за лисой гонялся-гонялся, не поймал, так деда Ивана на помощь позвал. Не управились, свалились. Им бы уже на печи лежать. Ноги не тянут. И промчались дальше.

Услышал это дед Иван, крикнул, на Егора из-под бровей сердито посмотрел. А маленький Егор ещё меньше стал. Сидит, будто ничего не слышит. А сам думает:

«Да. Уж если меня увидали, иные у этих никогда не пройдут. Молодцы пограничники!»

ДЕРЕВЬЯ

Г. СНЕГИРЁВ

Рис. М. МИТУРИЧА

БЕРЁЗА

В поле стоит берёза. Она точно живая, вся трепещет на ветру зелёными листочками.

Берёзовая роща весной звенит от птичьих песен. Походишь по берёзовому солнечному лесу, потрогаешь белые стволы и клейкие листочки, посмотришь, как ветер сдувает жёлтую пыльцу с серёжек, послушаешь, как поёт скворец, и станет тебе легко и радостно.

Зимой, как покажется над лесом солнце, берёзка заблестит, загорится на морозе серебром.

Зимним утром прилетают на берёзу тетерева и клюют бурые серёжки.

Лиса подкрадывается к тетеревам по чистому полю. Тетерева видят её издалека. Дождутся, когда лиса убежит ни с чем, и падают с берёзы на снег, проламывают ледяную корочку и сытые греются в снегу.

И зимой и летом хороша берёза, недаром про неё сложили столько песен и называют её ласково — берёзонька.

САКСАУЛ

Туркмены говорят:

— Саксаул не терпит воды!

В самой знойной пустыне, где днём ящерицы и змеи зарываются в песок, чтоб не испечься, растёт саксаул.

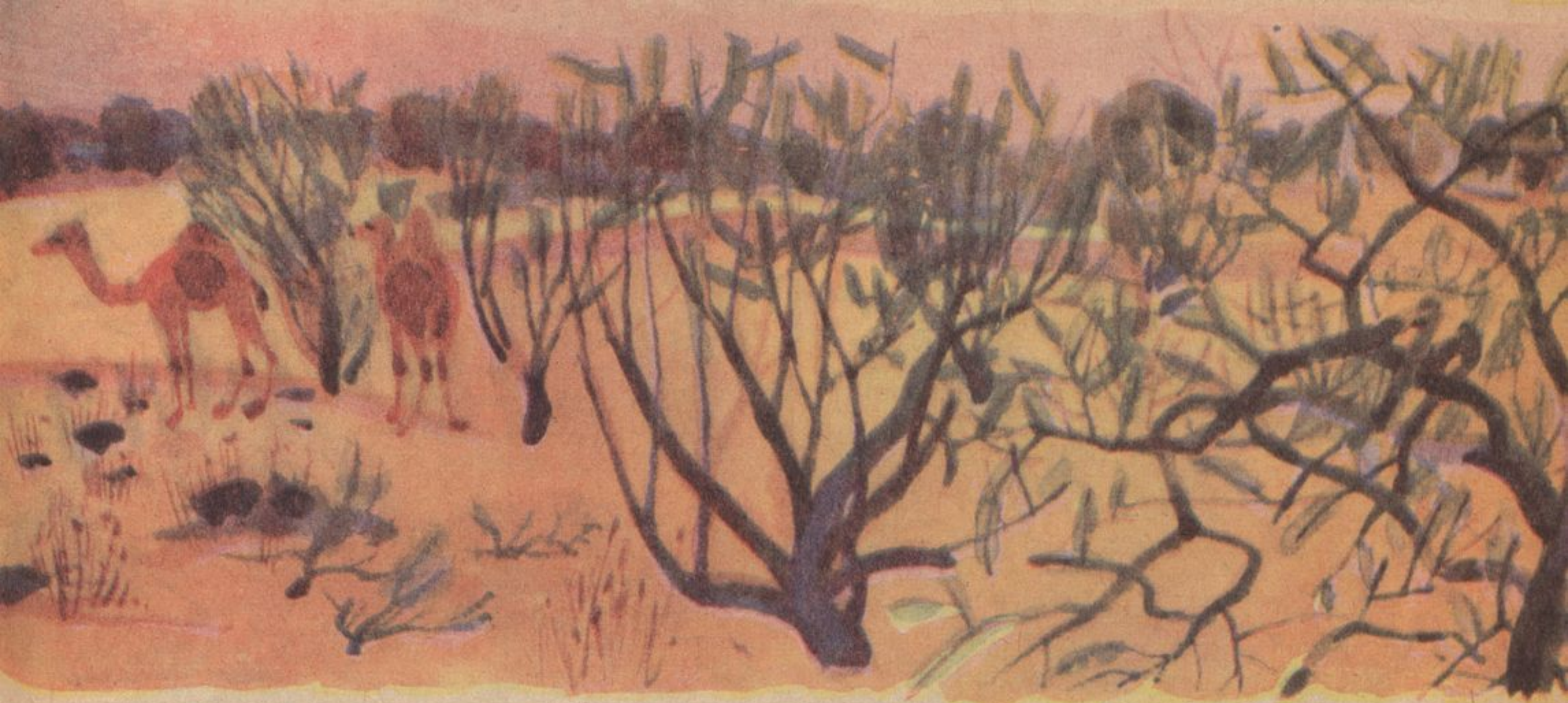
Саксауловые заросли кажутся мёртвыми. Только слышен иногда в тишине крик саксаульной сойки да ящерка запищит, спасаясь от змеи.

Даже весной, когда в пустыне зацветают тюльпаны и дикие гиацинты, саксауловые деревья стоят на вершинах барханов голые, искривлённые, словно каменные. Только крошечные розоватые и белые цветочки распускаются на ветках саксаула.

Саксаул не даёт тени, листья у него узкие. Ведь широкие листья испаряют много влаги, а чтобы добраться до воды, корни саксаула уходят в песок на двадцать и более метров.

Саксаул не даёт пескам засыпать кишлаки, сады и арыки. Семена саксаула люди сеют в пустыне, закрепляют пески.

ИВА

Ива растёт у воды. И за Полярным кругом, и на берегах широких сибирских рек, и в жаркой пустыне на берегу солёного озера — везде можно встретить иву.

На берегу лесной речки растёт плакучая ива. Она склонилась над рекой, опустила ветви в воду.

Вечером, когда на болоте закричит лягушка-жерлянка, под ветвями ивы щука подстерегает мальков.

На утренней заре, когда над рекой поднимается туман, ива видит, как ходят в ре-

ке стаи красноперых язёй и раскрываются белоснежные кувшинки.

Весной, в половодье, только верхушки ив торчат над заливным лугом. На затопленных ивах спасаются зайцы, лисы, ежи. Лиса в это время не трогает зайцев. Половодье — беда, звери в беде спасаются все вместе.

Весной иву называют вербой. На ветках ивы распускаются серебристые «барашки». Ребята прибегают к вербе, срезают ветки, ставят дома в бутылку с водой, и через несколько дней «барашки» зацветают.

Из пушистых шубок показываются жёлтые зёрнышки — это цветы ивы. В это время к цветущей вербе слетаются пчёлы за первым мёдом.

ДУБ

Говорят: «Крепкий как дуб!» И правда, дуб очень крепок.

И даже в воде может лежать дуб не одну сотню лет и только станет чёрным и твёрдым, как железо.

Молния ударит в одинокий дуб, опалит огнём, и всё равно весной распустятся на чёрных ветках зелёные листочки.

Дуб распускается позже всех деревьев. Лес уже зелёный, а дуб один чернеет в чистом поле. Зато дуб дольше всех деревьев стоит с листвой.

На морозе листья на дубе пожухнут, свернутся в трубочки. Когда идёт снег, в

тишине слышно, как снежинки шуршат по листьям.

В дубовой роще ночью кормятся кабаны желудями, а в дупле живёт сич и зимуют летучие мыши. Повиснут в дупле вниз головой и всю зиму спят.

Осенью сойка подбирает жёлуди и прячет по всему лесу про запас на зиму.

Иногда, смотришь, за рекой растут молодые дубки, ветер не мог занести туда тяжёлые жёлуди. Это сойка забыла про свои запасы, и они проросли.

КЕДР

Кедр — кормилец тайги.

Осенью лазают по кедру бурундуки, набивают защёчные мешки кедровыми орешками. Кедровки с криком прыгают с ветки на ветку, шелушат шишки. Набьют полный зоб и медленно летят ещё выше в горы, прятать орешки под камни — делают запасы на зиму.

Медведь отъедается перед зимней спячкой кедровыми орешками. Залезет на кедр, обломает вершину и на земле жуёт шишки с орехами.

Бывает такой год, когда нет орешков на кедре. Наступает голод в тайге — тайга вымирает. Можно пройти сотни километров, и не услышишь ни криков кедровки, ни бормотанья бурундуков. Только синицы попискивают в ветвях да жалобно закричит чёрный дятел.

Птицы улетают в поисках кормов за горные хребты. Голодные медведи не ложатся в берлоги, бродят по тайге, обмораживают лапы, подстерегают охотников у таёжных избушек.

Охотники узнают про неурожай кедра от бурундуков: если в бурундучьей норе орешков десять-пятнадцать килограммов вместо восьми — значит на будущий год жди беды: кедр не уродится. Бурундук чует заранее — будет голод — и запасается.

Хорошо, что такое несчастье в тайге бывает редко, иногда раз в сто лет. В такие годы охотники возвращаются из тайги без соболиных и беличьих шкурок — белка ушла, птицы улетели, а за ними ушёл и хищный соболь.

Прекрасны одинокие кедры в горах. Высоко в синем небе вытянули кедры зелёные ветви к солнцу. Не страшны им зимние бури, никакому ветру не согнуть мощный кедр.

ДЕДЫ-БЛИЗНЕЦЫ

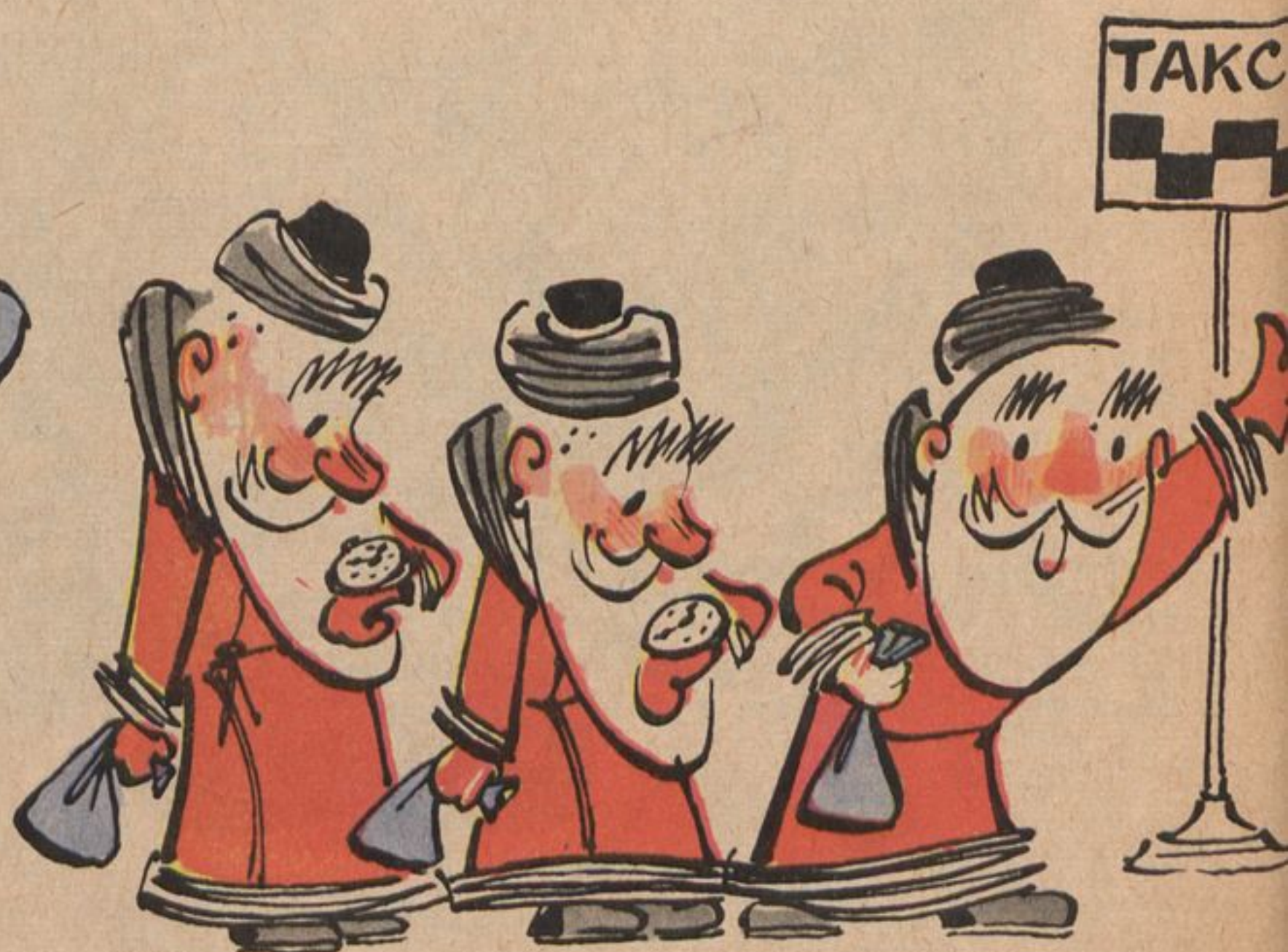
Агния БАРТО

Рис. А. ЕЛИСЕЕВА
М. СКОБЕЛЕВА

Раньше с палкой, с посошком
Дед Мороз ходил пешком.
Он теперь совсем не тот,
Нынче мы привыкли —
Дед Мороз под Новый год
Мчит на мотоцикле.

Или едет он в такси.
Ёлки, ёлки всюду!
Дед — куда ни пригласи —
Обещает: «Буду!»

Целый день звонки, звонки
В штабе Новогоднем.
— Восемь дедов в Лужники
Вышлите сегодня!

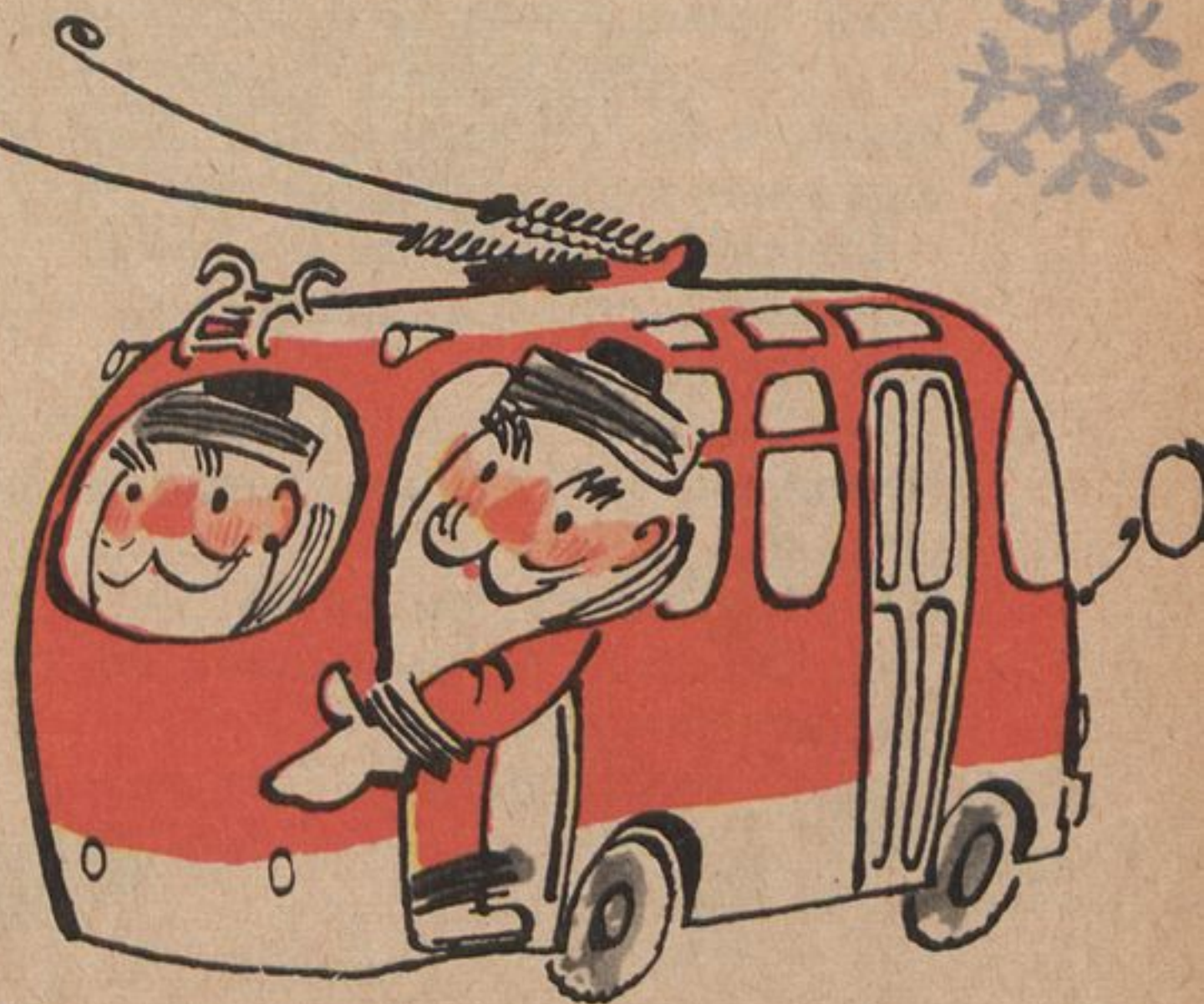
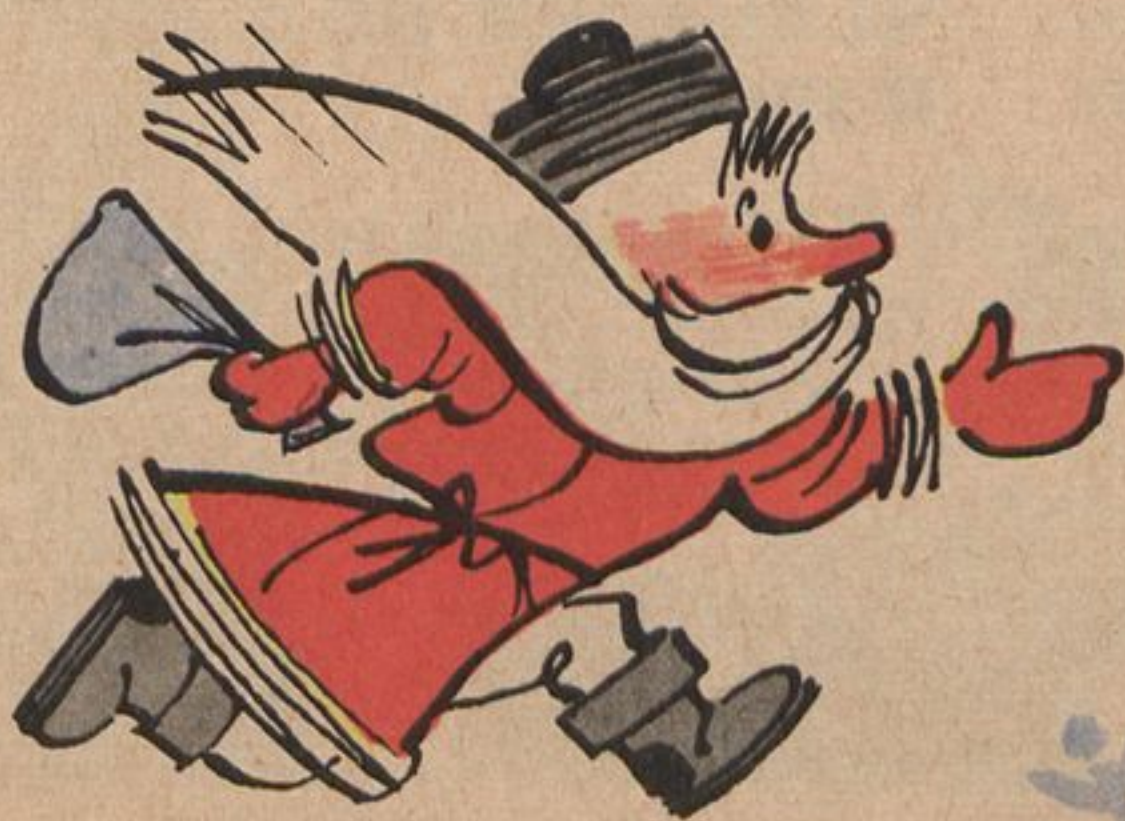

— Двух Морозов в Моссовет
Просим дать на вечер!
— Записал! — твердит в ответ
Дед Мороз — диспетчер.
В голубой тулуп одет,
Рассыпая блёстки,
На машине главный дед
Едет в зал Кремлёвский.

А оттуда главный дед
Едет в зал Колонный.
А за главным дедом вслед
Едет дед районный.

На метро во все концы
Едут деда-близнецы.
В парки, в школы, во дворцы
Входят деда-близнецы.

Блещет улиц белизна,
Снег на солнце розов.
Вся Москва полным-полна
Дедушек Морозов.

ЧЕЛОВЕКИ

Сергей БАРУЗДИН
Рис. А. ИТКИНА

(Окончание)

ЧЕМУ ОБРАДОВАЛИСЬ ЧЕЛОВЕКИ В ЗООПАРКЕ

Приехали Человеки в Москву. Привёл отец Челоовеков в зоопарк.

— Смотрите! — сказал отец. — Вот на пруду, видите, пеликаны, лебеди белые и чёрные, фламинго.

— Смотри, папа! — радостно закричали Человеки. — И гуси и утки как у нас в деревне. Правда?

Пошли они дальше. Дикобраза посмотрели, страуса, выхухоля, к рыбам пришли.

— Смотри, папа! — обрадовались Человеки. — И у нас такие в реке есть.

— Ну, не совсем такие, — сказал отец, показав на вуалехвостов, гурами, меченосцев.

— А окуни разве не такие? А ер-

ши? А щуки? А голавли? Разве не такие?

— Ладно, — согласился отец. — Пошли!

На очереди был слон. Потом зебры, жирафа, верблюды, попугаи, павлины, фазаны и обычные куры.

— Смотри, папа! — заявили Человеки. — Куры как у нас в Дубках! Точно!

И так всё время:

— А лоси у нас тоже такие есть!

— Ужи как у нас!

— А лягушки, лягушки!

— И суслики! И ежи!

— Землеройки тоже!

— Баран у нас даже лучше найдётся!

Идут Человеки по зоопарку, радуются. Всюду старых знакомых встречают:

— Воробьёв у нас в Дубках даже побольше будет!

— Ну, воробьи в счёт не идут, — сказал отец. — Воробьи здесь по всем клеткам просто так скачут. А вообще-то, видно, вас, Человеки, ничем не удивишь!

Почувствовали Человеки в голосе отца обиду.

— Почему не удивишь? — сказали. — Нам, если хочешь знать, очень ослики понравились. И пони. Они как наши лошади, только маленькие. Пошли их ещё посмотрим?

— Пошли, — обрадовался отец. — И посмотрим и покатаемся! Хотите покататься?

— Хотим, хотим! — сказали Человеки.

ЧЕЛОВЕКИ ПОДЕЛИЛИСЬ ПОПОЛАМ

Стрижи улетали на юг. Ласточки и грачи улетали. Скворцы шумели, галдели, кричали, словно прощаясь с родными местами. Ничего не поде-

лаешь — пора. Собирались в огромные стаи и готовились в дальний путь. Пока только дрозды колебались: лететь — не лететь? Очень уж много рябины в этом году, обидно улетать! Да, видно, придётся.

Рябина поспела. Порыжел лес. Полысели поля. Лето ещё вроде не прошло, осень не настала, а на календаре первое сентября.

Явились Человеки в школу. Сели за одну парту.

Все ребята в школьной форме друг на друга похожи, а Человеки совсем одинаковые.

— Как я вас различать буду? — спросила учительница.

— Очень просто, — сказали Человеки. — Вот он — Ваня! А он — Саня!

— Пожалуй, верно, — согласилась учительница. — Я уже запомнила.

Первые дни всё шло хорошо. Человеки сказки слушали, картинки рисовали.

Через неделю взялись за более серьёзное — палочки, крючки, кружочки, хвостики.

— У тебя, Ваня, — сказала учительница, — не очень ровно получается.

— Я не Ваня, а Саня, — пояснил Саня.

— Прости, пожалуйста. А я думала...

На другом уроке опять учительница подходит:

— Ты что ж это, Саня, кляксу посадил? И пальцы у тебя все в чернилах.

— У меня нет кляксы, — вскочил Саня. — Это у него, у Вани.

— Прости, пожалуйста. А я думала...

И на следующий день так. И ещё через день.

— Придётся, Прохоровы, поделить вас пополам, — сказала учительница. — Пусть Ваня сядет в этот ряд, к окну, а Саня вот сюда.

Поделились Человеки пополам. Ваня в одном ряду теперь сидит, а Саня — в другом.

Учительница довольна. Не путает Ваню с Саней. Да это теперь и не важно. Саня палочки и крючки ровно пишет. А Ваня кляксы уже не сажает:

НАДПИСЬ НА БЕРЁЗЕ

Бывает так, что снег валит три дня подряд, хотя на дворе оттепель.

Правда, с крыш капает, даже льёт. И в лесу под елями и соснами: кап-кап, кап-кап... Снег под ветками весь в крапинках. Да только серое небо всё сыплет и сыплет крупными снежными хлопьями. Ложится снег на землю — не тает.

Лес совсем необыкновенный стал: не рыжий, не зелёный, не тёмный, а бело-серый. Ветви голых деревьев в снегу. Лапы елей в снегу. Стволы снегом припорошило.

Ноги так и проваливаются в снег. А под снегом хрустят и шуршат сухие листья, хвоя и сучья.

Человеки из школы домой возвращались.

Саня взял сучок и что-то написал на снегу.

Ваня посмотрел, прочитал:

— «Саня». Подумаешь! Весна придёт, снег растает, и ничего от твоих букв не останется.

Ваня достал из портфеля нож и на стволе берёзы вырезал: «Ваня».

— Вот это другое дело! — сказал он. — А ты на снегу!

— Ну и дурак! — сказал Саня.

— Почему?

— Да потому, что всю жизнь теперь люди будут ходить мимо берёзы и говорить: «Вот дурак этот Ваня!» — объяснил Саня.

— Да? — засомневался Ваня.

— Ты уже вырастешь, школу окончишь, — продолжал Саня, — а про тебя всё будут говорить, что ты дурак.

— Пожалуй, — согласился Ваня. — Я сейчас снегом залеплю.

Залепил он надпись на берёзе снегом.

Наутро Человеки в школу шли мимо берёзы.

— Опять видно. Растаял снег.

Ваня достал цветные карандаши.

— Я сейчас зачерчу...

Зачертил.

Из школы шли Человеки домой мимо берёзы.

— Опять видно. Смазалось всё.

Достал Ваня краски. Ими закрасил надпись.

На другой день:

— Опять видно.

Отчаялся Ваня:

— Что же делать? А-а?

Саня предложил:

— Давай пластилином залепим.

— Давай! — обрадовался Ваня.

Залепили. Аккуратно получилось. Ничего не видно, никакого «Вани».

— Не будешь теперь на деревьях писать! — сказал Саня.

— Конечно, не буду, — согласился Ваня. — Уж лучше на снегу.

КОМУ НАПИСАТЬ ПИСЬМО?

Научились Человеки в школе писать. Грамотными стали. Да только пропадает их грамотность пока впустую.

— Давай хоть письмо кому-нибудь напишем, — предложил Ваня.

— Давай! — обрадовался Саня. — А кому?

Думали-гадали.

— Себе не интересно, — сказал Ваня. — Может, учительнице?

— Да-а! — протянул Саня. — Учительнице напишешь, ошибок наде-лаешь, она ещё двойку вкатит!

— Пожалуй, — согласился Ваня. Опять думали-гадали.

— Ребят письмом не удивишь...

— Не удивишь!

— Знакомых у нас в Москве нет...

— Нет!

— Родных нет...

— Нет!.. А знаешь, я придумал! — закричал Саня. — Давай отцу с матерью напишем? С Новым годом поздравим. Как раз Новый год через три дня! Вот они обрадуются?

— Здорово! — согласился Ваня. Как домой из школы вернулись, сели письмо писать.

«Поздравляем», — написал Саня.

— Что ещё писать? — спросил. — Давай теперь ты!

«С Новым годом», — дописал Ваня.

— Вот, — сказал он. — А что ещё?

— Придумал! — обрадовался Саня. — Давай я.

«Папу и маму», — написал он.

— По-моему, всё! — сказал Саня.

— По-моему, тоже всё! — согласился Ваня. — «Поздравляем с Новым годом папу и маму». Хорошо получилось! Только много места в письме осталось...

Решили Человеки ещё нарисовать что-нибудь. Решили — сделали.

Ваня радиоприёмник нарисовал, Саня — солнце. Потом Ваня — мотоцикл отцовский «Ява». Саня — зайца. Затем Ваня — кремлёвскую Царь-пушку. Саня — вертолёт.

— Что ещё? — спросил Саня.

— Про снег мы забыли, — сказал Ваня.

Долго бились над снегом, но он на белой бумаге никак не получался. Зато ёлки получились хорошо и ещё две клюшки.

Не осталось больше места на бумаге. Можно отправлять письмо.

После уроков пошли Чловеки по новому мосту за реку. На почте купили конверт, письмо в него вложили, адрес написали: «Деревня Дубки. Прохоровым».

Опустили письмо в ящик.

Дома Ваня вспомнил:

— А от кого письмо-то, мы так и не написали!

— Не написали. Забыли...

Загрустили Чловеки.

— Что теперь делать? Если на почту опять бежать, письмо уж небось вынули. Да и не дадут его обратно. Ничего не поделаешь!

Проснулись наутро Чловеки, а мать с отцом к ним:

— Спасибо вам, Чловеки, за письмо! За поздравление спасибо! Хорошее письмо написали!

Чловеки удивились:

— А как вы узнали, что это мы?

— Как же не узнать, — сказал отец, — если в письме написано: «Поздравляем с Новым годом папу и маму»? Кто же нам ещё так написать мог!

Обрадовались Чловеки. Об этом-то они и не подумали!

Значит, и верно говорят: всё хорошо, что хорошо кончается.

Рис. Э. БЕНЬЯМИНСОНА,
Б. КЫШТЫМОВА

ЧЕТВЁРТЫЙ РАССКАЗ ВОКРУГСВЕТА

— Знаешь, кого я сейчас встретил? — спросил Вокругсвет, снимая свой удивительный плащ. — Геннадия Павловича. Это тот самый учёный, с которым я путешествовал по Атмосфере.

— По Атмосфере? — удивился Мурзилка. — Что-то не слышал я о такой стране. Где она находится?

— Об этом мог бы рассказать воздушный шарик, который как-то раз ты выпустил из рук. Очутившись на свободе, он улетел в Атмосферу. Там по могучим воздушным рекам плывут белоснежные облака. Там рождаются бури и грозы. И оттуда на землю падает снег и льются дожди. Атмосфера — это самая большая страна на свете. Она не только больше любой страны — она больше всех стран и морей, вместе взятых. Потому что это Голубая Страна Воздуха, которая окружает со всех сторон нашу Землю. В этой стране работают лётчики и космонавты, прыгают с самолётов парашютисты. Однажды там побывал и я.

ГРАДОБОИ

Мы летели над Грузией. Был ясный солнечный день. Из окошек самолёта мы видели, как проплывают внизу горные хребты с занесёнными снегом вершинами, глубокие ущелья, серебряные реки. Вокруг самолёта поднимались горы облаков. Они были похожи на огромные сугробы. Хотелось выйти из самолёта и покататься на лыжах.

— Как здесь красиво! — сказал я.

— Здесь-то красиво, — ответил мне Геннадий Павлович, — а вот земле эти облака частенько приносят неприятности. Видишь, как у того облака расползлась вершина? Она сейчас похожа на наковальню. Вот из таких облаков чаще всего идёт град, хотя с виду они очень красивы и безобидны.

— Как же это происходит? — спросил я. И учёный мне рассказал.

Каждое облако — это крошечные капельки воды, собранные вместе. Пока они маленькие и лёгкие, они держатся в воздухе. Им не даёт упасть на землю ветер. Ведь в Атмосфере ветры не совсем такие, как на земле. Они могут дуть не только сбоку, спереди или сзади. Очень часто они дуют сверху или снизу. Так вот тот ветер, который дует снизу, и поддерживает в воздухе маленькие капельки.

Ведут себя облачные капельки очень странно. На земле вода замерзает сразу, как только ударит лёгкий морозец. А в облаках капли замерзают лишь тогда, когда мороз достигает сорока градусов. Правда, они могут замёрзнуть и при меньшем морозе. Но тогда им обязательно нужно прилипнуть к какой-нибудь пылинке. Пылинки в облаке всегда есть. Их приносит с земли ветер. Но их гораздо меньше, чем капелек. Поэтому к одной пылинке прилипает сразу несколько капелек. Как только они замёрзнут, на них садятся новые капельки и тоже замерзают. Получается градинка, которая очень быстро растёт и, наконец, становится такой тяжёлой, что воздух уже не может удержать её. И тогда градины падают вниз. Если они не очень крупные, а погода в это время тёплая, то они успевают растаять в воздухе и падают на землю обычным дождём. Если же градины большие, то они долетают до земли ледышками, и тут уж добра от них не жди.

Когда идёт град, оглушительно гремит гром, сверкают молнии и хлещут тяжёлые холодные струи дождя. Ледяные горошины барабанят по стёклам, прыгают по земле. Их становится больше и больше, и вот они уже устилают всю улицу, как снег зимой.

Если открыть форточку и высунуть руку, горошины больно ударят по ладошке. А ведь это ещё очень маленькие градины. Они бывают гораздо больше — с грецкий орех, с куриное яйцо и даже с хороший булыжник. Такие «горошины» разбивают окна, пробивают крыши, ранят людей и животных. В Индии одна градина величиной с кирпич даже убила слона.

Не трудно представить, сколько бед может натворить такой град в садах и огородах. Он срывает листья, ломает ветки, сбивает незрелые плоды и смешивает с грязью молодые всходы. Больше всех достаётся винограду — ведь у него очень нежные ягоды. Под ударами градин ягоды лопаются, и на землю вместе с дождём течёт

виноградный сок. И как назло, очень крупный град идёт очень часто именно там, где растёт больше всего винограда, — на юге нашей страны: в Грузии, в Молдавии.

Долго думали учёные, как избавиться от града. И, наконец, придумали. Нужно заморозить облачные капельки все сразу, пока они совсем ещё маленькие. Тогда они не смогут соединяться друг с другом и смерзаться в тяжёлые градины. Но чтобы заморозить их, нужно, чтобы у каждой капельки была своя пылинка...

В это время из кабины пилотов вышел радист и молча протянул синий листок бумаги. Геннадий Павлович быстро прочёл радиogramму и сказал:

— Передайте пилоту: курс на Алазанскую долину. И пусть увеличит скорость.

— На виноградники Алазанской долины надвигается большое облако, — объяснил он мне. — Нужно спешить на помощь.

Самолёт развернулся, моторы взревели сильнее. Учёный, не отрываясь, глядел в иллюминатор. Минут через пятнадцать он повернулся ко мне:

— Облако уже близко. Приготовимся к работе.

Он надел рукавицы и открыл массивную дверцу холодильника. Оттуда повалил белый холодный пар. Геннадий Павлович вытащил из холодильника большой прямоугольный брусок молочного цвета.

— Надень и ты рукавицы, — посоветовал он мне, — а то обморозишь руки. В этом бруске семьдесят восемь градусов мороза.

Это оказался сухой лёд. Тот самый, который лежит в ящике с мороженым. Мы погрузили несколько брусков в специальную машину — она устроена вроде кофейной мельницы, только, конечно, больше по размерам — и включили электромотор. Машина загрохотала и стала дробить сухой лёд в мелкий порошок. Особый вентилятор выбрасывал этот порошок наружу.

В это время мы вошли в облако. Окошки самолёта сразу же залепило густым белым туманом. Самолёт тряхнуло — раз, другой, ещё и ещё. Это заработали ветры, которые с большой скоростью несутся внутри облака вверх и вниз. В иллюминатор сквозь туман было видно, как дрожат и изгибаются могучие крылья самолёта. Мы пролетели сквозь облако несколько раз. И всё это время наша «мельница» выбрасывала сухой лёд. Когда мы летели обратно, Геннадий Павлович закончил свой рассказ:

— Рассыпая в воздухе порошок сухого льда, мы убиваем сразу двух зайцев. Во-первых, в облаке становится очень холодно. А во-вторых, там появляется множество мельчайших пылинок раздробленного льда, и каждая капелька находит свою пылинку. Капельки моментально замерзают и превращаются в крохотные льдинки. Теперь они уже не могут сливаться друг с другом и становятся тяжелее. Поэтому они держатся в облаке, пока ветер не унесёт его подальше от полей и виноградников. Вот так можно избавиться от града...

Тут его снова прервал радист — он принёс ещё одну радиogramму.

«Угроза градобития миновала. Большое спасибо», — передавали нам с земли.

АПЕЛЬСИНОВЫЙ ДОЖДЬ И ЛЕТАЮЩИЕ КОРОВЫ

Что такое обычный дождь, ты, конечно, знаешь. А приходилось ли тебе видеть, чтобы вместе с каплями дождя с неба падали... рыбы? Или раки и лягушки? Не видел? А мне довелось!

Вот совсем недавно, лет пятнадцать назад, в Новой Зеландии я попал под проливной дождь. Сначала это был обычный ливень. Но вдруг с неба посыпались рыбы. Самые настоящие живые рыбы. Их были тысячи. За несколько минут они покрыли всю землю вокруг. А когда дождь кончился, жители окрестных деревень собрали на улицах богатый «улов».

В 1933 году необычный дождь я видел и на Дальнем Востоке. Только вместо рыб с неба сыпались прозрачные морские медузы. А ещё раньше, в Неаполе, я спасался однажды от ливня из крупных спелых апельсинов.

Ты только не подумай, что это чудо. Чуда здесь никакого нет. Всё это шутки смерчей. В жаркий летний день сталкиваются где-нибудь в одном месте два ветра, два потока воздуха — горячий и холодный. И ни один из них не хочет уступить дорогу. Начинают они бороться друг с другом и свиваться в один вихрь. Так получается смерч — огромный столб воздуха, который крутится с бешеной скоростью. Мчится этот столб над землёй и захватывает с собой всё, что попадает ему на пути. Пролетает над морями и реками — втягивает в себя стаи рыб и медуз. Проносится над садами — срывает фрукты. Над пустынями собирает песок. На болотах — лягушек. Много километров пролетает смерч над землёй и, наконец, начинает слабеть. Вот тут-то и падают из него на землю рыбы и медузы, лягушки и апельсины.

Сила смерча бывает так велика, что он вырывает с корнем большие деревья. И даже поднимает в воздух людей и животных. В 1904 году на окраине Москвы смерч пронёсся над стадом и подкинул кверху несколько коров. Перепуганные бурёнки кувыркались в воздухе и жалобно мычали. А над одной из улиц смерч подхватил полицейского, повертел его в воздухе, поколотил большими градинами и закинул в чей-то огород.

ПРО СНЕГИРЯ

Изловил я в сетку
Снегиря.
Дома запер в клетку,
Только зря...

Он не хочет хлеба,
Не клюёт фасоли,
Просит, глядя в небо:
— Выпусти на волю!

Распахнул тут клетку
Быстро я,
Выпустил на ветку
Снегиря.

Начал звать он дочек —
Малых снегирят,
Про меня до ночи
Щебетать был рад.

Был снегирь доволен,
Рад был я,
Отпустив на волю
Снегиря.

Рис. С. МУХИНА

ЁЛОЧКА

Перед праздником зима
Для зелёной ёлки
Платье белое сама
Сшила без иголки.

Отряхнула белый снег
Ёлочка с поклоном
И стоит красивей всех
В платьице зелёном.

Ей зелёный цвет идёт,
Ёлка знает это.
Как она под Новый год
Хорошо одета!

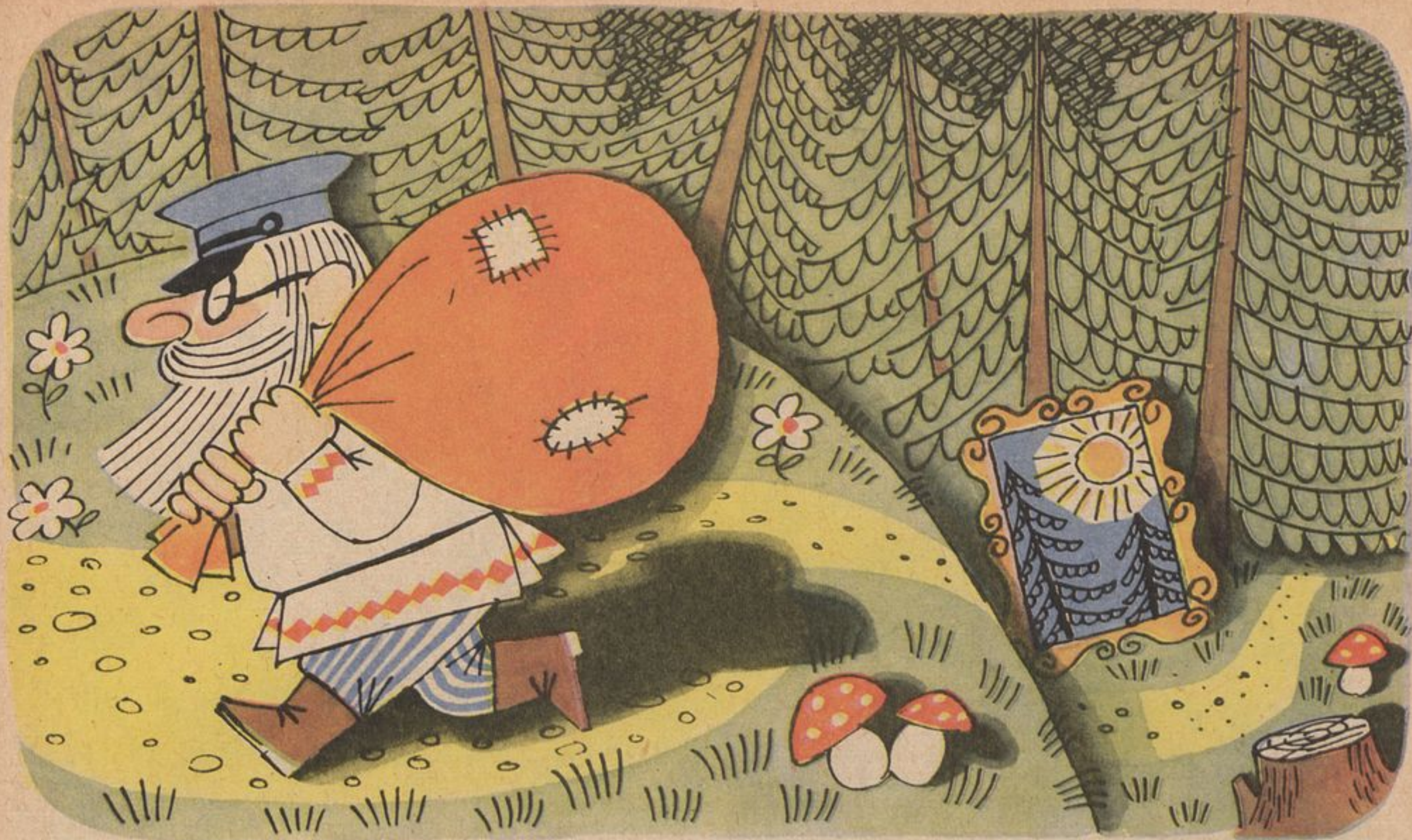
ПОЛОТНО

Снег наткал нам полотна
От опушки до окна
И смеётся,
Задаётся:
— Ишь, какая ширина!

Ух ты, сколько полотна!
Жаль, оно не изо льна!
Хоть кусок-то и хорош,
А рубашки не сошьёшь!

Перевела с украинского
З. АЛЕКСАНДРОВА

ЧУДЕСНАЯ КАРТИНА

Сказка

Сергей ДЕНИСОВ

Рис. В. ЧИЖИКОВА

Шёл старик домой по лесу. Устал, лёг отдохнуть под дерево. Когда пошёл дальше — забыл то, за чем в город ходил.

Прыгал мимо дерева лягушонок, глядь — лежит под деревом картина, да такая красивая, что нет слов лягушачьих её красоту описать.

На картине на той лягушонок зелёный, от росы мокрый, рожицу выставил, по сторонам смотрит. А ещё лесное утро тихое, сонное: туман холодным дымом по траве стелется, «пить-пить» — птицы голоса пробуют, и солнышко не спеша, не торопясь на небо поднимается.

Чудо-картина, лучше не придумаешь!

Поскакал лягушонок. Повстречал мышку.

— Ква-ква, мышка, — сказал он, — шёл я по лесу и картину нашёл, да такую прекрасную! На ней утро и лягушонок зелёный.

Побежала мышка чудо смотреть. Посмотрела и удивилась, удивилась и рассмеялась:

— Ха-ха-ха, вот чудак этот лягушонок! Картина прекрасная, но разве у лягушат бывают такая серая шкурка, такие розовые ушки, такой длинненький хвостик? Да и разве утро на картине? Солнышко вон куда поднялось, росы в помине нет.

Побежала мышка. Навстречу ей заяц.

— Знаешь, заяц, — сказала мышка, — какую я картину видела! Там мышка серая глазками блестит, усами шевелит, на солнышке греется. А вокруг — день лесной, золотой, солнечный; птицы поют, ветер тёплый, шмели по цветам гудят. А лягушонок — ха-ха-ха! — мышку за лягушонка принял.

Не поверил заяц, поскакал к дереву. И впрямь стоит там картина. Только нарисована не мышка хвостатая, не лягушка зелёная, а заяц — ушки на макушке, хвостик торчком. И к тому же вечер на картине. Солнышко над лесом склонилось. Птицы петь перестали, спать легли. Туман у реки бороду белую постелил.

Поскакал заяц. Медведя встретил, про всё ему рассказал: и про мышку, что ему чудо показала, и про лягушонка, что картину нашёл, и про то, как ошиблись они — на картине-то заяц нарисован.

Пошёл медведь картину смотреть. Посмотрел и сказал:

— Спору нет — чудесная картина, только всё-то звери перепутали: не большая она, а маленькая, и нарисован там не лягушонок, не мышонок, не зайчонок, а медвежья голова. Да и ночь на картине — темно кругом, спит всё, с неба звёзды и месяц на землю смотрят.

Наутро в лес пришёл старик, забрал картину и дома её на стенку повесил.

— Смотри, — говорит, — старуха, какое зеркало я тебе купил!

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Л. ВОРОНКОВА

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Однажды в пасмурный вечер отец лёг на тахту отдохнуть. Аня и Андрей тоже залезли к нему, примостились в уголке.

— А теперь расскажи нам сказку. Или какую-нибудь историю.

— Ладно, расскажу вам одну историю, — сказал отец. — Со мной самим она случилась.

И вот что он рассказал:

— Это было давно. Я тогда ещё был маленький, вот как наш Андрей.

Помню, стоял ненастный день, на улицу носа не высунешь. Чем заняться? Вот я и придумал — пускать мыльные пузыри.

Вот пускаю я пузыри в комнате. А моя мама — ваша бабушка — стирает в кухне бельё. Я выдуваю пузыри один за другим, они летают у меня по комнате, красивые такие, переливчатые. Ну и, конечно, лопаются.

Но вот что случилось дальше. Я выдуваю пузырь. Пора бы уж ему и слететь с соломинки, а он всё больше и больше надувается. Красивый — и голубой, и жёлтый, и розовый. Все окна в нём отражаются. И я сам отражаюсь. Вот он уже с мою голову. И когда надулся с мою голову, то оторвался и полетел. Я кричу:

— Мама, мама, иди скорей! Посмотри, какой у меня пузырь!

Но маме было некогда. А пузырь сел на подоконник и смотрит на меня. Да, да, представьте себе, круглое у него лицо получилось, щёки розовые, голубенькие глазки. Смотрит и улыбается.

— Спасибо, Ваня, теперь я буду на свете жить.

— Как это ты будешь жить? — кричу я. — Ты же Мыльный Пузырь!

— Ну и что же? — усмехнулся он. — А ты думаешь, мало мыльных пузырей на свете? Немало. И живут неплохо. До свиданья!

Я хотел его схватить. Да не тут-то было! Пузырь подскочил и вылетел в окно.

— До свиданья! Может, ещё встретимся!

Я как сумасшедший выскочил на улицу. Смотрю, а мой пузырь уже взлетел над сиренью и скрылся в соседнем саду.

Мама смотрит на меня:

— Что это с тобой?

— Пузырь улетел. Где же он теперь будет?

— Как где? Лопнет, да и всё.

«Хорошо, если лопнет...» — думаю себе. А уж маме ничего не говорю. А что говорить? Разве она поверила бы, что пузырь со мной разговаривал?

Прошло дня три. Наступило воскресенье. В этот день у нас, у ребят, было назначено состязание — кто быстрее переплывёт реку. Вот и собрались мы, поселковые ребята, разделись, выстроились на берегу. Вдруг с бугра бежит какой-то мальчик, кричит:

— Эй, подождите! Я тоже буду соревноваться!

Мы, конечно, рады:

— Давай становись!

Подбегает этот мальчишка, становится с нами в ряд.

— Ты откуда? — спрашиваем.

— Я из совхоза.

— А чей?

— Чей-ничей, я не ем кирпичей. Мыльников я.

Я гляжу на него. Где же это я его видел? И вдруг, представьте себе, узнаю. Да ведь это мой Пузырь! Глазки голубенькие, щёки розовые...

«Тьфу ты, — думаю, — что же это такое мне мерещится?»

Тут вожатый нам скомандовал:

— Прыгай!

Мы все разом прыгнули, поплыли. Я плыву, а сам на Мыльникова поглядываю. Гляжу — чего же он покачивается на воде у берега, а плыть не плывёт? А потом вдруг как ракета мимо меня. И вот уж на том берегу!

Пока мы плыли, пыхтели, фыркали, а он уже обсох на травке. Все ребята начали его хвалить. Прямо до небес превозносят: вот пловец, вот так удалец! А я молчу. А сам всё думаю: «Если он человек, как все, то как же это он мог в один миг реку перелететь?»

Пришёл я домой, сел на крылечко, думаю. И тут слышу, наша кошка и собака ссорятся. Я ведь тогда кошачий язык понимал, и собачий, и птичий. Слышу, Дружок ворчит на кота:

— И чего ты всё моешься? Только и знает вылизываться.

— Неужели с такими грязными лапами ходить, как у тебя? — это ему Барсик в ответ.

Дружок посмотрел на свои лапы.

— Ты же только и знаешь, что дома сидишь. А я на речку бегал.

— А кто тебе велел? Дурная голова ногам покоя не даёт.

— А как же? Ваня пошёл, а я останусь? Там ведь состязания были.

— И кто же победил?

— Мыльников. Только тут неладно дело. Они-то ничего не видели, а я сидел на берегу и всё-всё видел. Ребята плывут, а Мыльников у берега бултыхается и ни с места. Вижу — совсем плавать не умеет. Так и бултыхался бы. Но тут подул ветер, подхватил Мыльникова и прямо на тот берег умчал!

— Да что ты, Дружок, мелешь?

— Ничего не мелю. Говорю тебе,

он на воде, как поплавок, болтался. А подул попутный ветер, он и перелетел. Вот тебе и победитель!

Выслушал я всё это и думаю:

«Да. Это мой Мыльный Пузырь. Но как докажешь?»

Решил рассказать ребятам. А они меня на смех.

— Ты, — говорят, — просто ему завидуешь!

Я чуть не заплакал от обиды.

Потом у нас были состязания по бегу. Мы, все ребята, отправились на луг. Дистанцию назначили метров пятьсот — от водокачки до дуба. Встали, выстроились. И Мыльников с нами стоит. Вожатый дал старт. Бежим. Я как ринулся, так ничего не видел вокруг себя. Видел только, что Мыльников ещё и с места не тронулся, когда я ринулся. Бегу. Вижу — первым бегу, ребята сзади пыhtят. Вот и дуб недалеко. Ещё поднажал. Пот глаза заливаает. Подлетаю к дубу — вдруг Мыльников вихрем мимо меня! Понимаете? Я к дубу, а он уже стоит у дуба, улыбается.

Ну, ребята опять кричат, хвалят Мыльникова. Опять награда ему. А я столько тренировался! И бежал отлично. А этот увалень почему-то в один миг меня перегнал.

Вот иду я с Дружком домой.

— Дружок, — говорю ему. — Ты что-нибудь заметил?

— Заметил, — говорит, — вы побежали, а Мыльников на месте топчется, семенит, как курица, совсем бегать не умеет. Вижу — ищет ветерка попутного. Ветер подул — он подпрыгнул. Ветер его и отнёс к дубу. Вот что я заметил.

Я пошёл к вожатому и говорю:

— Это же Мыльный Пузырь. Он всяким попутным ветром пользуется, а сам-то не умеет ничего!

А вожатый смеётся.

— Брось завидовать, Ваня! Зависть — нехорошее чувство.

Так нас и дурачил этот Мыльников — первый спортсмен, первый чемпион в посёлке. А он ходит, нос кверху, улыбка до ушей.

Я один раз ему и говорю:

— Думаешь, я не знаю, кто ты? Ты же Мыльный Пузырь!

А он смеётся.

— Знаешь? Ну и знай себе на здоровье!

— Смотри, лопнешь!

— Не лопну. Скорей ты лопнешь от зависти.

Скоро его выбрали председателем нашего спортивного кружка. Ходит, важничает. Только и знает:

— Тренируйтесь, ребята, работайте!

Но вот пришлось нам ехать в соседний район на спортивные соревнования. Тут и случилось это чрезвычайное происшествие. Вышли мы в поле на состязание по бегу. Стоим, волнуемся. А вожатый смеётся:

— Что вы, ребята! Ведь Мыльников с нами!

Ну, как обычно, дают нам старт. Бежим. Бежим так, что земли под собой не слышим. Мы тренированные, но и противники наши тоже не уступают. Бежим — дух вон. И всё-таки они нас обгоняют.

«Где же Мыло это? — думаем. — Чего там дожидается?» А Мыльникова нет и нет. Вот и финиш. Я пришёл вторым. А первым пришёл парень из той команды. Но где же Мыльников? Слышим — крики какие-то, шум, смех...

«Лопнул! — кричат. — Лопнул ваш чемпион!»

Оказывается, Мыльников прыгал, прыгал на месте, попутный ветер ловил. А ветра-то не случилось. Он пыжился, пыжился, да и лопнул.

Вот какие были у нас дела!

Кто быстрее сосчитает предметы, названия которых оканчиваются на А?

Кто каким спортом занимается?

Я не боюсь льва!

Я не боюсь рыси!

Я не боюсь волка!

А я не боюсь тигра!

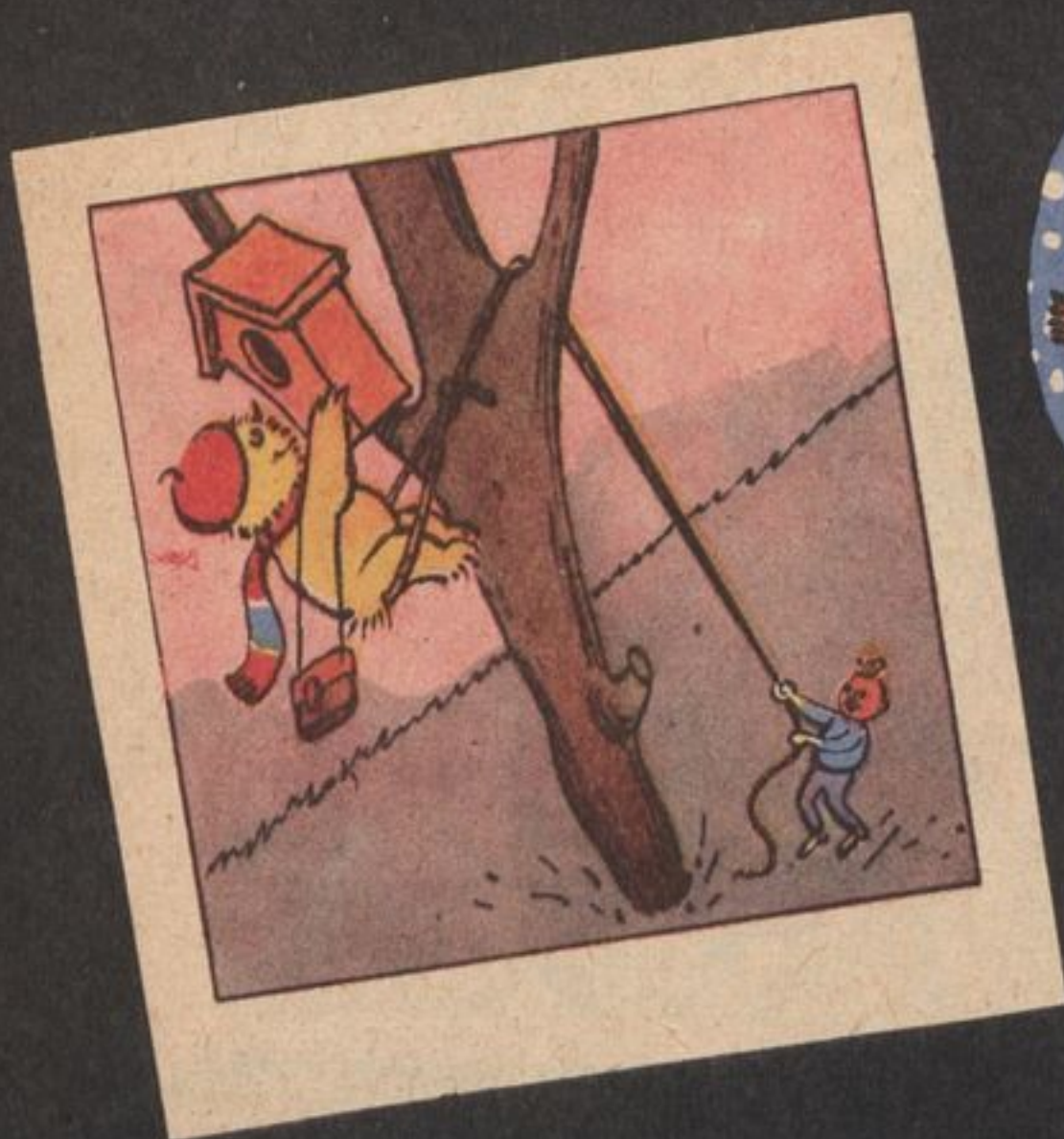
Шли мальчишки из школы и хвастались. А как Бобика увидели, бросились наутёк.

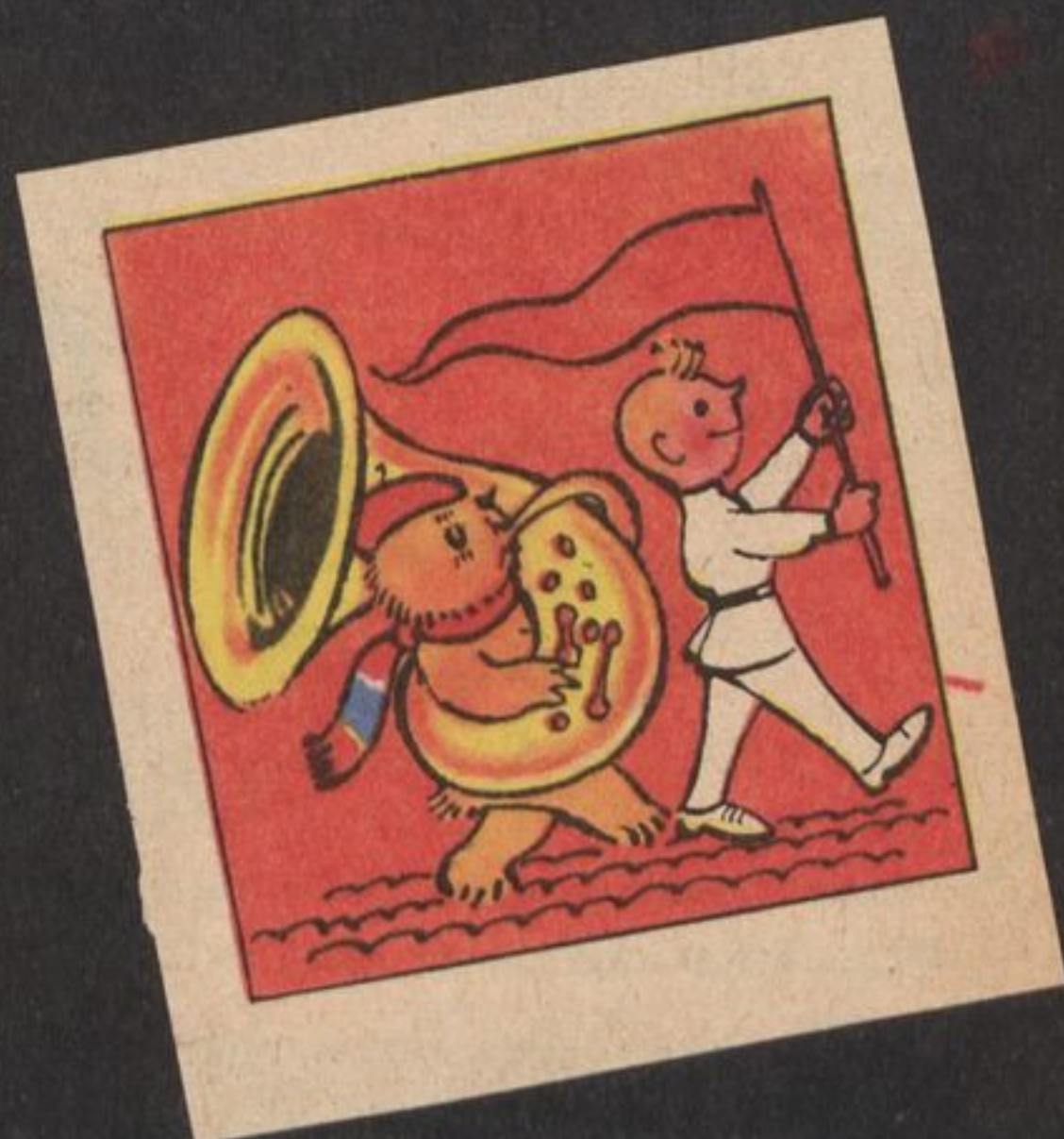
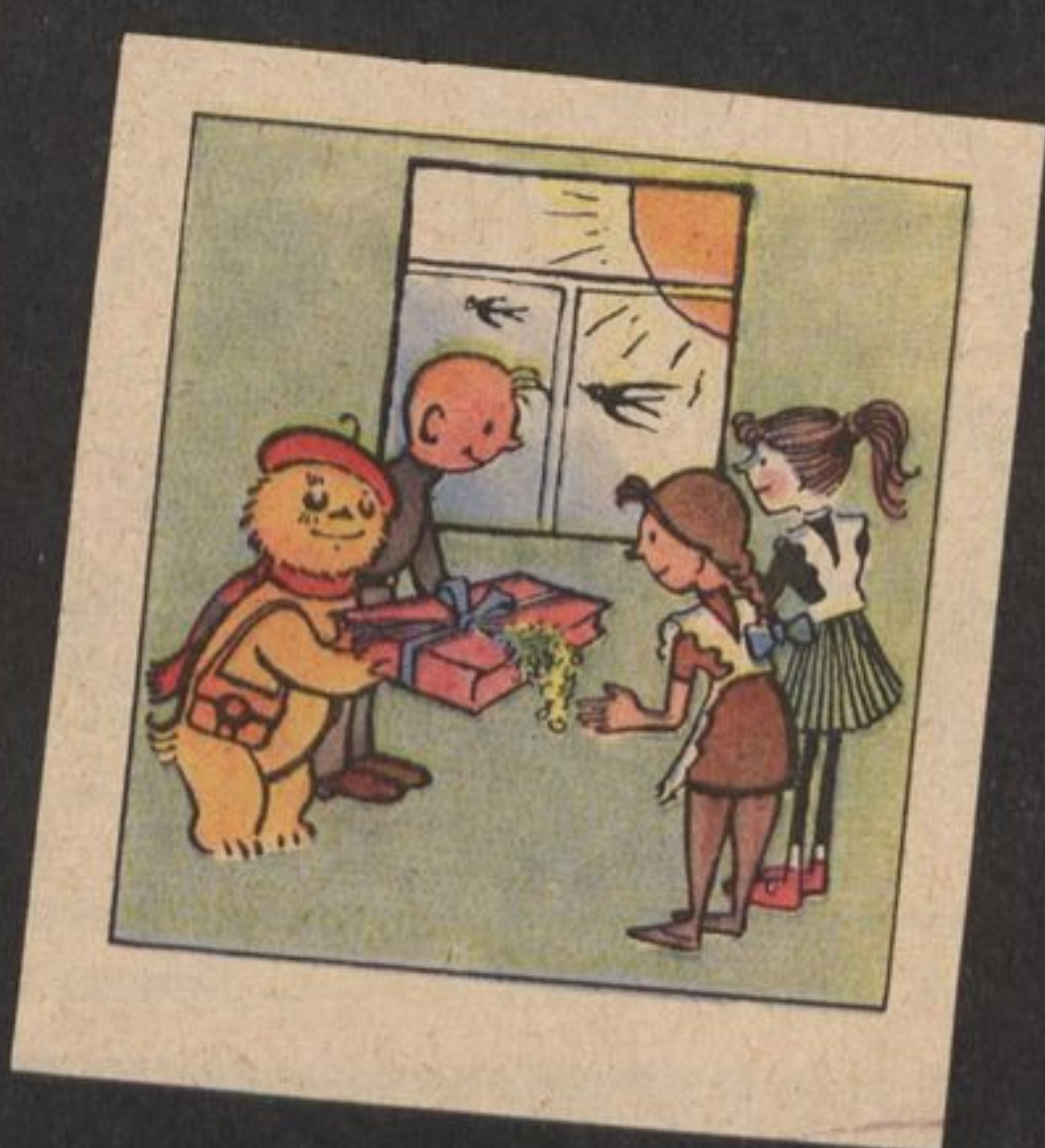
Караул!!!

Рис. В. ЧИЖИКОВА

Вася даже портфель потерял. Найди на первом рисунке Васю.

Перед новым, 1966 годом мы с Петей решили нарисовать календарь. Сказано — сделано! Нарисовали каждый месяц... Но вот беда — перепутали рисунки и не знаем, где какой месяц... А вы знаете!

М
У
Р
З
И
Л
К
И
Н

КАЛЕНДАРЬ

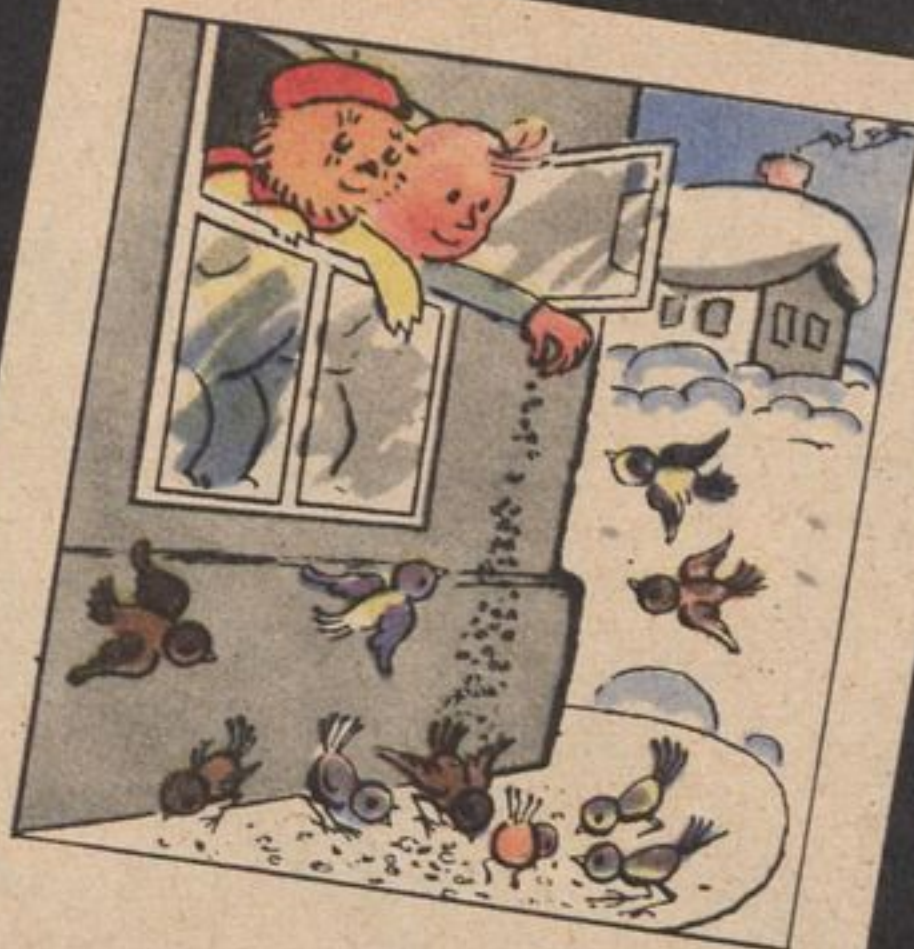

Рисунок на обложке
Е. МОНИНА, В. ПЕРЦОВА

50800

Индекс 70553

Редактор А. МИТЯЕВ

Редколлегия: З. Александрова, С. Алексеев, А. Барто, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова (зам. редактора), Ю. Казанов, М. Коршунов, Ю. Коринец, Ю. Нагибин, К. Орлова (ответственный секретарь), Е. Рачёв, В. Чижиков.

Художественный редактор Ю. Молоканов

Технический редактор В. Лубнова

Год издания сорок первый. Цена 10 коп.
Подп. к печ. 15/XI 1965 г. Бумага 84×108^{1/16}. Печ. л. 2 (3,36). Уч.-изд. л. 4. Тираж 2 872 000 экз. Заказ 2027.
Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Суцёвская, 21.
Телефон П 0-45-08.